

— Позволю себе представиться первым — Барлога Василий Николаевич, родом из Калуги.

— Очень приятно! Кочесоков Заурбек Исмаилович. Я из Владикавказа.

Оба вежливо кивнули.

— Господин Барлога...

— Да, господин Кочесоков?

Парни невольно прыснули от искусственной высокопарности момента и церемонно чокнулись чашечками эспрессо.

— Можно просто Вася. Второй курс.

— Просто Заур. Курс первый.

Кофе был хорошим, и каждый выложил свой сотый на стол, из вежливости отключив звук — уютная атмосфера «Шоколадницы» в целом вполне располагала к приятному разговору. Разница между первым и вторым курсом исторического факультета не столь велика, чтобы кому-то всерьёз раздувать щёки. Нет, разумеется, она была, кто бы спорил, но не для этих двух интеллигентных людей, встретившихся сегодня по воле... капризного случая? индейки-судьбы? начальственного решения декана? Бог весть!

Да и кому это важно? Наверняка не им самим, и даже не вам, и уже тем более не мне, автору. Я в этой истории вообще человек посторонний: просто описываю в художественной форме то, что услышал в сумбурной беседе с двумя молодыми ребятами в купе московского поезда,

под постоянные восклицания «честное благородное!» и «мамой клянусь, да!».

Если вам это не интересно, то, ради бога, закройте книгу. Действительно, мало ли чего случайные люди наплетут на голубом глазу, узнав, что рядом с ними едет писатель! А уж если этот писатель ещё и фантаст, то наслушаешься такого таинственного, мистического, кошмарного, с обезумевшими привидениями, тайными кладбищами и кровососами из соседнего подъезда, что потом спать страшно. О да, эти ребята тоже умели нагонять жуть! И не будь я начитанным человеком, то на раз-два разоблачил бы прохиндеев, но им я поверил, как ни удивительно. А это дорогого стоит...

Итак, вернёмся к началу. Василий был высок, крепок, плечист, спокоен, имел волнистые, зачёсанные назад тёмно-русые волосы, серые глаза и румяные, словно натертые свеклой щёки. Одет в гавайскую рубашку сумасшедшей попугайской раскраски, джинсовые шорты ниже колен, белые носки и модные кроссовки. Этот парень казался рассеянным, в чем-то даже безалаберным, но тем не менее добрым, с широкой русской душой.

Заур же был черноволос, изящно сложен, с благородными чертами лица, карими глазами в обрамлении длинных оленьих ресниц и тонкими усиками. Несмотря на лето, одет строго, даже консервативно: серый костюм-тройка в рубчик, отглаженная рубашка, тёмно-синий галстук и блестящие лакированные туфли с длинными носами. Несмотря на пылкий восточный темперамент, воспитан и интеллигентен: никакого мата, никакой грубости, увлекается классикой, как в музыке, так и в изобразительном искусстве, а также спортом и интеллектуальной литературой.

Как видите, один наш герой выходец из среднерусской полосы, а другой — из ворот Кавказа. Но все же у них оказалось много общего. Во-первых, среда воспи-

тания — оба родились в высокообразованных семьях, где детям ещё до рождения была предначертана педагогическая карьера, с неперемным преподаванием, полевой практикой, научной работой и впоследствии обязательным выходом в профессию. Любые отклонения от многолетней семейной традиции не допускались категорически.

Во-вторых, карьера эта должна была начаться на историческом факультете известного московского вуза, название которого мне не позволено упоминать, чтобы не нарушить закон о «недобросовестной рекламе». И наверное, поэтому оба парня несколько не были похожи на разбитных столичных студизусов с инстаграмным мышлением, сексуально-рэпнутой культурой восприятия мира, модным «луком» и заранее заплаченными дипломами. Вот, собственно, и всё.

Хотя нет, наверное, есть и ещё один момент — связывающее их задание. Младший студент должен был сдавать доклад о кавказской военной политике генерала Ермолова, в частности о противоречивости и логичности его решений в контексте либеральной морали эпохи, а также рассмотренных через призму современных взглядов. Второкурсник Барлога был прикреплен к новому знакомцу для того, чтобы исправлять ошибки и для так называемой общей педагогической практики.

— На ты или на вы?

— Предпочту на вы, — вежливо ответил Заур, ставя чашку на блюдечко. — Вы отвечаете за мою работу, так что мне не пристало тыкать старшему товарищу. По этой же причине вам ко мне можно на ты.

— Ничего не понимаю, кавказец к русскому — и на вы?

— Ради Аллаха, я вас умоляю...

— Не, не, погоди! — искренне удивился Василий, переходя на шёпот. — Мы когда шли из кабинета проректора, у тебя был жуткий акцент. Через слово «мамой клянусь!», «э-э, ва-а-х», «эй ти, чо такоэ, а?»!

— Традиция, — холодно улыбнулся его собеседник. — Родители переехали из Грозного во Владикавказ еще до начала дудаевского конфликта. Ну, а если ты кавказец в Москве, то будь добр отвечать сложившимся стереотипам... Не я это придумал, так сложилось.

— Понятно. Ты чеченец?

— Черкес. Разница не очевидна, но она есть.

— Шикардос! То есть ты просто косишь под «кавказца»? Нормально... С другой стороны, иначе меня бы к тебе и не прикрепили.

— А вам-то за что такая честь? Я имею в виду, зачем возиться с редакцией чужих докладов? Это весьма малоинтересное времяпровождение...

Василий ответил не сразу. Он уже успел чуточку проникнуться мнимой важностью поставленного перед ним каторжного труда по оказанию снисходительной помощи «сыну гор». Но как вдруг оказалось, его подопечный и так вполне себе справляется с задачей получения фундаментального образования. Не признаваться же, что господин Барлога в этом году, как и в предыдущем (опять, вновь и снова) практически завалил историю и имел кучу пропусков, так что усталый профессор просто дал ему последний шанс на зачёт. И это произошло не из-за тупости, а скорее из-за крайней рассеянности и весёлой безалаберности калужанина.

Воистину, не всё, что из нас желают вылепить родители, получается по их образу и подобию... Даже сейчас на встречу с незнакомым человеком Вася умудрился опоздать не на пять и не на десять минут, а на полтора часа. А мог бы, кстати, вообще перепутать дни!

Тот факт, что и молодой джигит Кочесоков каким-то чудом сумел дожидаться, вовсе не свидетельствовал о кротости его характера. На Кавказе скромники и тихушники вообще нечасто встречаются. Уж реже мамонтов точно! Просто парень залип в сотовом на переписке с любимой

девушкой, которой именно сейчас требовалось напрочь вынести ему мозг. Явление Барлоги временно спасало ситуацию, отодвинув неминуемые разборки по крайней мере до вечера. Ибо если уж ваша любимая решила выяснить всё, она никогда не сдастся и не отступит: бабские войны в «Ватсапе» страшная вещь...

— Почему я? Действительно, догадаться трудно, да? — Василий решил, что настало время расставить приоритеты, и начинать следовало с осознания собственного достоинства. — Причина проста, но отложим несущественное. Пожалуй, я бы взял ещё кофе.

— Тогда я, пожалуй, пойду.

— Куда?

— А вам зачем это знать? — Делано изобразив удивление, молодой человек положил на столик файл с докладом. — Как ознакомитесь, будьте добры написать мне на почту. Электронный адрес есть в исходных данных.

— Погоди, так не пойдёт! — До Барлоги дошло, что собеседник явно пытается слинять, повесив на него ту самую работу, от которой он сам намеревался как можно успешнее ускользнуть. — Давай садись, обсудим, кто и что будет делать.

— Что тут обсуждать, о мой старший и более опытный товарищ? Вас назначили редактировать мой доклад. Вот текст, правьте как вам угодно! Когда закончите, я непременно и с уважением приму ваши советы к сведению.

— Хватит мне выкать!

— Хватит мне указывать.

— Типа, ты на серьёзных щах решил, что я буду за тебя впахивать?

— Э-э?! — Заур старательно сделал изумлённые глаза, хлопая длинными ресницами. — Неужели что-то не так?

— Что-то не так? А не пошёл бы ты...

— Уже иду.

— И бумажки свои забери, аферист в стрингах!

— Вася, я ещё как-то могу понять, почему вы назвали меня аферистом, — кротко вздохнул кавказец, неспешно засучивая рукава. — Видимо, из-за моего акцента у ректора. Но стринги?! Это же поклёп на весь Владикавказ! Вот такое у нас не прощается...

Старшекурсник встал вовремя, чтобы увернуться от летящего в лицо кулака. Если господин Кочесоков вдруг решил, будто бы этот круглолицый русский увалень внешне похож на грушу для битья, то жизнь мигом преподала ему урок: не суди по внешности. Добродушие Барлоги совершенно не помешало ему получить зелёный пояс дзюдо, а крупные по комплекции люди при необходимости могут двигаться невероятно быстро.

— Официант! Помогите, здесь драка! — взвился вверх незнакомый женский голос.

Столик покачнулся, посуда и телефоны рухнули на кафельный пол, листы рассыпались. Народу в кафе было немного, благородно разнимать двух сцепившихся парней вот так сразу желающих не нашлось. Хотя ведро холодной воды тем явно не помешало бы.

Василий могучим броском через бедро свалил нападающего с ног, и как раз начал проводить удушающий приём, когда...

— Прекратите сейчас же! — Пылкая девушка в очках с внешностью районной библиотечарши из Библирево начала гвоздить обоих парней подобранным докладом по голове, не разбирая, кто прав, кто виноват. Это было последнее, что они запомнили: боль, искры, туман — и...

* * *

— *Доложите обстановку по «Нергалу».*

— *Слушаюсь, бвана! — Капитан склонился в низком поклоне, скрещивая пальцы в знак уважения и повинове-*

ния. — Наш крейсер движется с заданной скоростью, по утверждённому шестью богами курсу Сипа-Зи-Ан-На. Системы корабля работают исправно. База Иштар на планете Тиамат подготовлена для принятия резерва. Все туземные племена страстно молят небеса о вашем скорейшем прибытии.

— Точно ли все? — Чёрный Эну отличался любовью к садизму и лести.

— Все, кто нам нужен.

— Разумно. А жертвы?

— В жертву будет принесено всё, на что вы бросите взгляд, владыка...

Эну, облизнув губы длинным языком, отправил капитана заниматься прямыми обязанностями. Путь от Нибиру до Тиамат был достаточно утомителен, провизии хватало, но вот как развеять скуку? Все интеллектуальные или физические развлечения были испробованы и признаны утомительными. Чёрному бване хотелось иных впечатлений. Чего-то по-настоящему масштабного и запоминающегося. Он всерьёз подумывал даже о том, чтобы взорвать весь корабль к Мардуку Бесконечному в пекло...

Но надо было дожидаться посадки крейсера. Туземцы многочисленны и ждут богов. А боги тоже ждут и жаждают...

* * *

Воздух был невероятно свеж и напоен такими дивными ароматами, что казался сладковатым на вкус. Пели птицы, звенели цикады, жужжали какие-то насекомые, и высоко в зените стояло яркое солнце. Оба наших героя лежали в густой мягкой траве, едва не касаясь друг друга головой. Заур и Василий пришли в себя почти одновременно, причём до каждого наконец-то дошло, как глупо они вели себя пару минут назад.

— Мои извинения, погорячился...

— Взаимно... Тупанул, был неправ!

Не сговариваясь, они умудрились пожать друг другу руки и только потом открыли глаза. Вопль, который взлетел до облаков, заставил птиц мигом заткнуться. Встав на четвереньки лицом к лицу, оба студента орала в полный голос. Потом они одновременно вскочили и принялись оглядываться по сторонам, озирая цветистую поляну, смешанный лес, высокое небо, синие горы на горизонте. Постояв так какое-то время, они не придумали ничего лучше, как снова заорать, стоя уже спиной к спине.

Собственно, а что им еще оставалось делать? Веселиться, как двум укуренным наркоманам? Падать на колени в религиозном экстазе, словно праведникам, попавшим в рай? Звать на помощь бесов, ангелов, хоббитов, эльфов, ректора, Бабу-Ягу, «Гугл», МЧС? К кому обращаться, кого винить, на чье имя писать жалобу?!

Крик прекратился так же резко, как и начался. В-первых, парни вспомнили, что они-таки мужчины, во-вторых, убедились, что от сотрясения воздуха толку нет, и в-третьих, похлопав себя по карманам, оба пришли к выводу, что их сотовые остались на полу в кафе. Заурбек заговорил первым:

— Характерная природа моей родины...

— То есть?

— Судя по всему, мы на Кавказе.

— Считаю, на курорте, да? — попытался найти хоть что-то положительное шумный Барлога. — Надо выбираться к какому-нибудь санаторию или дому отдыха, их тут под Пятигорском должно быть немерено.

— С чего вы взяли, что мы в районе Пятигорска?

— Ну а где тогда? — Васе было неудобно признаваться, что других городов на Кавказе он просто не знает. Собственно, он и в Пятигорске-то ни разу не был, поскольку родители не жаловали летний отдых на «рас-

сейских югах», предпочитая дачные посёлки с озёрами и тихой рыбалкой в средней полосе.

— Понятно. — Заур покачал головой, поправляя узел галстука на шее: похоже, в этой ситуации уже ему приходилось примерять на себя роль ведущего. — Вон там тропинка, надеюсь, по ней мы сможем выйти к людям. Дальше разберемся на месте.

Он двинулся вперед первым, аккуратно смотря под ноги, чтоб не попасть модными туфлями в какую-нибудь коровью лепешку. Второкурсник, вытащив из нагрудного кармана темные очки в стиле «шериф под прикрытием», надел их на нос и широко шагал следом, морщась, когда репейники пытались прилипнуть к его белым носкам над кроссовками.

Наверное, получаса не прошло, как двое изрядно вспотевших ребят спустились к безымянной горной речке. Сейчас это скорее стоило бы назвать ручьем, змеящимся меж камней, но наверняка после дождя могучий поток ворочал здесь валунами.

Василий как раз наклонился зачерпнуть воду ковшиком из ладоней, когда спутник тронул его за плечо. На противоположном берегу, буквально в двадцати шагах, в тени дуба они увидели черноглазого всадника в коричневой черкеске с серебряными газырями и высокой чёрной папахе с широкой зелёной лентой, с аккуратно подстриженной рыжей бородой. За спиной у него было ружьё в меховом чехле, а тонкие пальцы лежали на рукояти кинжала. Стройный вороной конь с оленьей шеей раздувал огненные ноздри. Ребята замерли, исподволь любуясь ожившей картинкой Франца Рубо из учебника истории.

— Ролевик какой-нибудь? — тихо спросил Вася.

Его приятель пожал плечами:

— Не уверен, скорее москвичи кино снимают. Сейчас такие лошади редкость — настоящий кабардинец с пле-

менного завода. А вот местных типажей как раз полным-полно...

Всадник неожиданно что-то крикнул на непонятном гортанном языке, и уже с десяток таких же джигитов, в потрёпанной одежде, но с дорогим оружием, вылетев из кустов, окружили наших студентов. Нет, будущие историки не испугались, а лишь удивились. На загорелых лицах кавказцев не было агрессии — тоже, скорее, изумление и улыбки.

Барлога искренне рассмеялся в ответ, когда один из подъехавших чуть не упал с седла от хохота, тыча нагайкой в его гавайскую рубашку.

— Физкультпривет каскадёрам! — салютуя на римский манер, прокричал студент, снимая очки. — Мосфильм или Уорнер-Бразерс? Кто снимается — Куценко, Галустян, Кристина Асмус? Только не Джигурда, тьфу-тьфу, храни нас Ктулху! А режиссёр Бондарчук, да? Огнище-е!

Всадники на секунду замерли, переглянулись и расхохотались ещё громче. Господин Кочесоков, всё это время стоявший, как памятник человеку в футляре, не проронил ни слова, скрестив руки на груди и опустив глаза. Тот рыжебородый, которого ребята увидели первым, отдал короткий приказ, и на плоский камень у ног Заура положили лепёшку с куском белого сыра. После этого вся кавалькада пустила коней вскачь, исчезнув в лесу, словно лишний кадр, отрезанный ножницами на плёнке в монтажной.

— Покатились по звезде — ни мне здрасте, ни тебе до свидания! — философски пожал плечами Василий и тут же, опомнившись, заорал: — Эй! Стойте! А куда идти-то? Где съёмочная площадк-к...

— Заткнитесь, пожалуйста, дорогой соавтор, очень прошу! — Узкая ладонь владикавказца запечатала рот товарищу, и глаза Заура при этом были даже не круглыми, а квадратными. — Вы знаете, кто были эти люди? Че-

ченцы! Настоящие вайнахи¹... И не из личной гвардии Рамзана Кадырова, а из девятнадцатого века!

— Прикальываешься?

— Не имею столь дурацкой привычки.

— Эх, а я б с ними сфоткался!

— Они не тронули нас только потому, что сочли сумасшедшими! С точки зрения жителя Кавказа тех дремучих лет, вы одеты как полный псих, а из всей вашей речи они, возможно, поняли лишь два слова: «кто» и «только»! Моё почтение, уважаемый господин старшекурник, вы только что спасли нам жизнь!

— Ты на себя посмотри...

— А чего мне на себя смотреть? Я понимаю чеченский, и тот, что был на вороном коне, сказал: «Один потерял разум, а другой — мирный дервиш, ведущий его в святые места за исцелением. Аллах велит поделиться с ними едой».

— Так и сказал, прямым текстом? Получается, мы что в...

— В заднице? — прозорливо догадался Заурбек. — Нет, полагаю, мы в прошлом. Но да, и в заднице, разумеется, тоже! Э-э, извините, а что вы делаете?

— Ем, — с набитым ртом ответил Барлога. — Всё честно, вот твоя половина! Сыр, кстати, пересоленный, а лепёшка жёсткая.

— Нельзя ничего тут есть! Вдруг это как в мире ирландских эльфов? Если хоть что-то съел из угощения обитателей холмов, то...

— Как хочешь! — Прежде чем начитанный черкес сообразил, что сейчас будет, остатки хлеба и сыра исчезли в желудке его старшего товарища. — И не смотри на меня так, я всё равно в эти ваши кавказские сказки не верю!

¹ *Вайнахи* — самоназвание представителей чеченского и ингушского народов, появившееся не ранее XX в. (вначале как лингвистический термин, позже распространившийся в бытовой среде).